

УДК 165.1

DOI: 10.17223/1998863X/61/3

С.А. Филипенко

ДВА СПОСОБА САМОСОЗНАНИЯ В СТРУКТУРЕ СОЗНАНИЯ

Показано, что наряду с явными формами самосознания, которые находят наиболее полное воплощение в нарративе, существуют неявные формы самосознания. Неявное самосознание включает в себя глубинные личностные когнитивные установки, лежащие в основе самопознания и познания окружающей действительности. Первичной формой имплицитного самосознания является осознание своего телесного Я в ходе двигательной активности.

Ключевые слова: самосознание, нарративное Я, телесное Я, неявное самосознание

Творческая активность субъекта на протяжении всей жизни сопровождается не только получением нового знания, творением новых смыслов, артефактов культуры, но и созиданием самого себя, своего Я. Становление личности предполагает формирование и развитие образа своего Я; любая познавательная и преобразовательная деятельность человека в том или ином виде включает в себя самосознание, которое позволяет соотносить представления об окружающем мире с внутренним образом субъекта, с его ценностями и установками, с целостной системой его личностного знания. Как отмечает современный отечественный исследователь Е.О. Труфанова, «возможность сознавать себя, отдавать себе отчет в своих мыслях и действиях – т.е. наличие самосознания и рефлексии – является неотъемлемой характеристикой субъекта» [1. С. 66]. Проблема самосознания является важной и актуальной проблемой эпистемологии, в рамках которой данный феномен рассматривается как особый вид познавательной деятельности. В современной философии много работ посвящено проблеме конструирования Я и самости, и большую популярность в исследованиях процессов самосознания и конструирования Я имеет нарративная теория.

Нарратив как средство осмысления личностного опыта

Сторонники нарративной концепции самосознания считают, что Я человека формируется нарративом, повествованием о важнейших событиях собственной жизни. В многочисленных источниках, в которых проводится анализ нарративной концепции самосознания, даются разные трактовки и оценки этому феномену. Так, британский философ, представитель аналитической философии Г. Стросон в своей критической работе «Против нарративности» („Against Narrativity“) выступает против широко распространенного в современной литературе тезиса, согласно которому нарратив, придавая цельность нашему существованию, является условием достойной и полноценной жизни [2. С. 428]. Он выделяет два типа самосознания – «эпизодический» и «диахронический». Люди «диахронического» типа осознают себя как целостное и протяженное во времени Я, существовавшее в прошлом и предвидящее свое будущее, а следовательно, они имеют склонность представлять

свою жизнь как нарратив. Люди же «эпизодического» склада не рассматривают себя как некое устойчивое *Я*. Они привыкли жить настоящим моментом, не очень интересуясь тем, кем они были в прошлом и кем они будут в будущем. Таким образом, они не воспринимают свою жизнь как нарратив. По мнению Г. Стросона, жизнь этой категории людей, способных придавать большое значение лишь текущим событиям, может быть не менее добродетельной, чем жизнь тех, кто постоянно пытается объединить события своей жизни в целостный рассказ и придать своему внутреннему опыту некую логическую форму.

Более того, философ убежден, что нарративность играет по преимуществу отрицательную роль в нашем существовании. Он полагает, что в силу особенностей человеческой психики словесное изложение фактов нашей биографии неизбежно вносит искажения во внутренний опыт человека, становящийся объектом познания [2. С. 447]. Даже если признать, что рефлексия и обусловленный ею нарратив определенным образом трансформируют присущий субъекту опыт переживаний, все же трудно согласиться с Г. Стросоном в его однозначной критической оценке роли нарратива в самопознании. Несмотря на психологические различия людей, в разной степени склонных к рефлексии, способность фиксировать отдельные моменты своей биографии в словесной форме с помощью повествования, пожалуй, присуща любой зрелой личности. Как отмечает современный исследователь В.Г. Хардкасл в книге «Конструируя себя» (“Constructing the Self”), сам Г. Стросон, заявляя в своей работе, что он совершенно не интересуется собственным прошлым и будущим и воспринимает свою жизнь как не нарративную, тем самым предлагает читателям определенный нарратив, формирующий некий образ его *Я* [3. С. 27].

Нарратив создает устойчивый, рациональный образ своего *Я*, обеспечивает постоянство нашего опыта. В ходе повествования отдельные моменты внутреннего опыта встраиваются в целостную логическую схему, с которой индивид соотносит свое настоящее, конкретные факты своей биографии, собственные поступки. Как следствие, нарративность придает связность и осмысленность нашему существованию. Заслуживает внимания тезис В.Г. Хардкасл о том, что даже самые простые действия мы воспринимаем в более широком контексте собственного опыта, благодаря чему мы наделяем их смыслом [3. С. 24].

Можно сказать, что множество ассоциативных связей, которые возникают между отдельными представлениями в уникальном контексте субъективного опыта, и образуют личностные смыслы. Личностные смыслы, привнося субъективное содержание в общезначимые представления, являются основой, с одной стороны, познания индивидом окружающей действительности, а с другой – осознания им себя в этом мире. Смыслы, которыми обладают наши переживания, определяют нашу индивидуальность, наше *Я*. В.Г. Хардкасл подчеркивает, что «мы обладаем собственным *Я*, потому что активно пытаемся придать смысл событиям нашей жизни» [3. С. 24]. В жизненной истории находят выражение субъективные переживания, смыслы, содержащиеся в уникальном личностном опыте человека. Как следствие, «любой нарратив экзистенциально нагружен, представляет *Я* в особой экзистенциальной ситуации бытия именно этим *Я*, ведущим именно этот рассказ о том, что для него

наиболее важно» [4. С. 126]. В повествовании раскрываются неосознаваемые ранее личностные смыслы, исходя из определенных познавательных установок переструктурируется личностный опыт, выявляются новые смысловые связи между отдельными компонентами опыта. Благодаря этому в личностный опыт привносится новое содержание, за счет чего он обогащается, а сама личность развивается, преобразуется.

Структура самосознания в познавательной деятельности

В.Г. Хардкастл в своем анализе нарративного подхода к самосознанию отмечает существование бессознательного компонента в нарративе [3. С. 106–109]. Данное утверждение имеет под собой основания, поскольку глубинные мотивы поступков человека порой ускользают от его сознания, даже когда он пытается честно, исчерпывающим образом воплотить в повествовании собственные представления о самом себе и своих действиях. Самый правдивый рассказ о себе некоторым образом видоизменяет внутренний опыт рассказчика, выявляет в его сознании новые смысловые связи, которые ранее могли выступать неявными предпосылками его деятельности. Несмотря на это, в нарративе не находят отражения неосознаваемые когнитивные установки, которые, тем не менее, определяют индивидуальность человека и его поведение. Таким образом, самосознание имеет сложную структуру, охватывает разные уровни человеческой психики и аспекты человеческого бытия. Стоит более детально исследовать взаимодействие его различных видов и их роль в познавательной и творческой деятельности. Самосознание можно рассматривать в качестве одной из основополагающих форм сознания, «в когнитивной системе живых существ сознание прежде всего проявляется как способность самосознания, которая заключается в осознании собственного „Я“ и своего отличия от других представителей вида, а также в „узнавании“ себя, распознавании образа „Я“ и т.д.» [5. С. 38]. Исходя из предположения, что самосознание является разновидностью сознания, мы можем перенести структуру сознания на область самосознания. За основу может быть взята универсальная модель индивидуального сознания, разработанная в рамках концепции личностного знания философом науки XX в. М. Полани.

М. Полани показал, что в основе любого когнитивного акта лежит взаимодействие двух взаимодополняющих способов осознания объектов – фокусного и периферического. В фокусе нашего сознания оказывается объект, на который направлено наше внимание, в то время как периферическим сознанием мы воспринимаем детали, которые сами не являются объектом нашего внимания, но выступают условием восприятия данного в фокусе целостного объекта [6. С. 57–59; рус. пер.: 7. С. 89–92]. М. Полани для описания процесса неявного познания предложил схему, в основе которой лежит триада, состоящая из периферически осознаваемых предметов (В), формирующих фокус (С) посредством акта интеграции, выполняемого человеком (А). В процессе интеграции отдельные компоненты опыта объединяются в новую смысловую целостность. Именно периферическое сознание наделяет смыслом объект фокусного восприятия, находящий выражение в языке. Иначе говоря, акт неявного познания можно представить с помощью так называемой модели *from-to*: наше внимание направлено от воспринимаемых периферическим сознанием побочных данных на фокус, объект которого они порождают

[8. С. 302]. При выполнении практических действий расположенные на периферии сознания ключевые моменты (clues) выполняют *инструментальную* роль в формировании данного в фокусе сознания целого.

М. Полани особое внимание уделяет роли телесности в неявном познании, что может иметь особую эвристическую значимость при анализе феномена самосознания. Наша телесность дана нам изнутри, а не извне, как воспринимаемые нами предметы окружающей реальности. Работа внутренних органов оказывается в фокусе внимания, как правило, в результате каких-то нарушений, вызывающих неприятные ощущения и мешающих нам совершать привычные действия. М. Полани подчеркнул, что в повседневной жизни мы воспринимаем наше тело периферическим образом. Тело может рассматриваться как важнейший инструмент в нашей познавательной и преобразовательной деятельности. Оно поставляет нам множество неявных чувственных данных, участвующих в формировании смысловой целостности, на которую направлено наше внимание. М. Полани расширяет границы человеческой телесности, утверждая, что она включает в себя все периферические, побочные элементы нашего сознания: «Мы вживаемся во все периферически осознаваемые предметы» [8. С. 303]. Процесс интеграции вовлекает внешние объекты в сферу нашего телесного опыта и тем самым лишает их для нас статуса внешних объектов [8. С. 304].

Поскольку самосознание является одной из форм сознания, можно предположить, что предложенная М. Полани модель индивидуального сознания применима и к самосознанию. Мы можем направить свое внимание на самих себя, в фокусе сознания окажется образ нашего *Я*, какие-то важные личностные характеристики. Продуктом фокусного самосознания является концептуальный образ своего *Я*. Данные в фокусе сознания представления о своем *Я* артикулируются с помощью нарратива, жизненной истории. При этом на периферии сознания могут располагаться неявные компоненты опыта, которые определяют нашу личность, нашу индивидуальность и в то же время не осознаются нами в полной мере. Эти побочные компоненты опыта играют большую или меньшую роль в формировании образа *Я* индивида, влияют на его поступки, хотя могут и не найти отражения в явном виде в его рассказе о самом себе. Пожалуй, это именно то, что В.Г. Хардкастл называет «бессознательным *Я*» и «бессознательным нарративом».

ИмPLICITные формы самосознания лежат в основе не только нарратива, но и всякого познания вообще. В любом акте познания индивид неявным образом может осознавать себя в качестве субъекта, источника познавательной активности, носителя когнитивных установок, тех глубинных личностных смыслов, которые, в конечном счете, будут воплощены в системе его личностного знания. Особое значение имеет периферическое осознание нашего тела именно как *нашего* тела, о чем писал М. Полани [8. С. 303]. Ранее уже было сказано, что в сферу телесного опыта как разновидности неявного самосознания включаются разнообразные предметы опыта, осознаваемые нами периферическим образом и наделяющие смыслом объект фокусного сознания. Таким образом, наряду с фокусным, явным самосознанием, находящим наиболее полное воплощение в нарративе, существует неявное самосознание, первичной формой которого может считаться осознание своего телесного *Я*. Можно провести аналогию между двумя основными видами самосознания и

двумя уровнями восприятия человеком своего Я, которые выделил современный французский нейрофизиолог М. Жаннерод. Уровень нарративного Я (the narrative self) можно рассматривать в качестве продукта фокусного, артикулированного, эксплицитного самосознания, в то время как телесное Я (the embodied self) представляет собой имплицитную форму самосознания и соответствует приведенным выше рассуждениям М. Полани о роли телесного опыта в неявном познании. Анализу телесных форм самосознания посвящена статья М. Жаннерода «От самораспознавания к самосознанию» (“From self-recognition to self-consciousness”). Данное исследование крайне актуально, поскольку в философской литературе неявному самосознанию уделяется гораздо меньше внимания, чем самосознанию явному, нарративному [9. С. 65–87].

Телесное Я как продукт неявной формы самосознания

М. Жаннерод понимает под телесным Я осознание себя в качестве обладателя собственного тела и субъекта совершаемых действий. В отличие от нарративного Я, придающего целостный характер нашему опыту, самосознание, связанное с телесным опытом, дискретно. Оно фиксирует отдельные моменты нашего телесного опыта, например конкретные движения [9. С. 65]. В «телесном» самосознании находит отражение непосредственно данный в настоящем времени опыт человека, в то время как в нарративе формируется всеобъемлющий образ нашего Я, в котором фиксируются некие устойчивые характеристики нашей личности и соотносятся между собой различные моменты внутреннего опыта. Субъективное чувство обладания собственным телом сопряжено с осознанием себя как источника активности, причины совершаемых субъектом движений. Я большую часть времени является действующим, активным Я. Движение частей тела относительно друг друга или внешних объектов воспринимается нами как реализация наших собственных намерений. При этом мы сопоставляем ожидаемые результаты наших действий с визуальной и проприоцептивной (исходящей от внутренних органов) информацией, которая поступает к нам после совершения этого действия [9. С. 67]. Таким образом, уже на уровне телесного самосознания проявляется активный характер субъекта, способного по собственной воле совершать целенаправленные действия.

Опираясь на данные множества экспериментов, М. Жаннерод описал когнитивные механизмы, благодаря которым мы распознаем, что данное действие совершено именно нами. Исследователь рассмотрел две гипотезы для объяснения этих когнитивных процессов – так называемую гипотезу центрального контроля для распознавания действия (the central monitoring hypothesis of action recognition) и теорию симуляции (the simulation theory) [9. С. 76–82]. С помощью этих двух гипотез можно показать, какие когнитивные процессы лежат в основе осознания своего телесного Я. В соответствии с гипотезой центрального контроля, в мозге человека, дающем команду отдельным частям тела совершить то или иное движение, одновременно с командой возникает «копия», «внутренняя модель» выполняемого действия. В этой «внутренней модели» находит отражение информация о текущем состоянии нашего организма как целостной системы, о желаемом состоянии, которого мы стремимся достичь с помощью данных действий, и о предвосхищаемом

действии. После совершения действия мы получаем сигналы от наших органов, которые мозг в состоянии сравнить с теми сигналами, которые он сам подавал органам во время команды. Мы воспринимаем действия как собственные в том случае, если обнаруживаем соответствие между ожидаемой ответной реакцией наших органов и теми реальными чувственными данными, которые мы от них получаем. Как правило, если мы наблюдаем процесс, протекающий независимо от нашей воли, различие между планируемым действием и поступающими чувственными данными гораздо ошутимее и заметнее¹.

Отталкиваясь от гипотезы «центрального контроля», можно сделать вывод, что именно способность распознавать собственные движения лежит в основе осознания своего тела, своего телесного *Я*. Наше телесное *Я* активно по своей природе, оно обнаруживает себя в своей целеполагающей деятельности. Даже если мы не в полной мере отдаем отчет в своих движениях, в нашем сознании формируются определенные когнитивные структуры, некая внутренняя модель выполняемых действий и предполагаемых результатов. Образ телесного *Я* соотносится с этой субъективной моделью собственных действий, с поставленными целями и чувственными данными, поступающими от внутренних органов. Можно предположить, что внутренняя модель двигательной активности выступает основой телесного, неявного самосознания. Телесное *Я* погружено в непосредственный опыт совершаемых действий и чувственно данных переживаний. Следует, безусловно, согласиться с М. Жаннеродом, что осознание себя как источника активности, распознавание своих движений происходит в широком контексте субъективных ментальных процессов, охватывающих мотивационную и эмоциональную область психики [9. С. 78]. Образ *Я* неотделим от осуществляемой субъектом деятельности, от его установок, намерений и желаний, целей, которые он поставил перед собой.

В рамках теории симуляции большое внимание уделяется роли образного мышления (*motor imagery*) в формировании внутренней модели совершаемых действий. Данная теория раскрывает перед нами содержание телесного самосознания индивида. Образы наших предполагаемых движений порождают область неявных, скрытых действий (*covert actions*), составляющих единство вместе с действиями явными (*overt action*) – каждое совершенное действие предполагает существование латентной стадии его выполнения, в то время как неявное действие необязательно будет воплощено в реальном акте [9. С. 78]. Внутренние образы наших действий мы можем рассматривать в

¹ М. Жаннерод показывает различие в восприятии действий, совершенных по собственной воле, и действий принудительных на примере экспериментов, описанных П. Хаггардом, С. Кларком и Дж. Калогерасом в 2002 г. в статье «Сознательный акт и осознание» (*Haggard P., Clark S., & Kalogeras J. Voluntary action and conscious awareness // Nature Neuroscience. 2002. 5. P. 282–285*). Испытуемых просили совершить простое осознанное действие (нажать на клавишу) в произвольный момент времени. За нажатием клавиши следовал звуковой сигнал с интервалом не менее чем в 250 мс. В ходе опроса участников эксперимента выяснялось, что в их представлении разница во времени между двумя событиями оказывалась менее 250 мс – они полагали, что нажали на клавишу позже, а услышали звуковой сигнал раньше, чем это произошло на самом деле. Если же испытуемые совершали действия не по собственной воле (например, в результате магнитного воздействия), то они в своем отчете не были склонны сокращать временной интервал между произошедшими событиями. Авторы эксперимента, а вслед за ними и сам М. Жаннерод пришли к выводу, что целенаправленное действие объединяет вместе образ этого действия в сознании и его чувственно воспринимаемые последствия. Именно это единство ожидаемых и полученных результатов и лежит в основе осознания совершаемых действий как наших собственных [9. С. 77].

качестве неотъемлемых компонентов сферы неявного знания, они выступают неизменными условиями нашей повседневной практической деятельности и в то же время определяют осознание человеком самого себя, собственного телесного *Я* как активного субъекта. Более детальное изучение когнитивных механизмов возникновения внутренних, субъективных структур познания и деятельности в сознании субъекта позволит лучше понять реальные процессы познания и творчества, в основе которых лежат элементарные акты самоосознания, восприятия, целеполагания и т.д.

Заключение

Проведенный анализ показал, что самосознание является сложным феноменом и имеет множество аспектов. Большое внимание в современной литературе уделяется нарративному самосознанию. С помощью нарратива, рассказа человека о самом себе из непрерывного потока субъективных переживаний вычлениются наиболее общие, устойчивые и существенные черты его характера, его личности. Это позволяет создать целостный образ своего *Я*, с помощью которого индивид переосмысливает собственную жизнь и с которым соотносит свое поведение в текущий момент. Однако нарратив не может выразить неисчерпаемый личностный опыт человека во всем богатстве его содержания. Самосознание не сводится только к рефлексии, к объективации внутреннего образа своего *Я* в знаково-символической форме. Вся сознательная жизнь человека сопровождается неявным самосознанием, в основе которого лежат глубинные когнитивные установки, определяющие как познание себя и окружающей реальности, так и практическую, преобразовательную деятельность субъекта. Базовой формой неявного самосознания является телесное самосознание, выступающее неотъемлемым условием всякой двигательной активности человека.

Литература

1. Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018.
2. Strawson G. Against Narrativity // Ratio (new series). December, 2004. XVII. 4. P. 428–452.
3. Hardcastle V.G. Constructing the Self. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008.
4. Моркина Ю.С. Рец. на кн.: Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018 // Философия науки и техники. 2018. Т. 23, № 2. С. 122–130.
5. Черникова И.В., Логиновская Ю.В. Сознание в когнитивной науке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 32–42.
6. Polanyi M. Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy. London: Taylor & Francis e-Library, 2005.
7. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
8. Polanyi M. Sense-Giving and Sense-Reading // Philosophy. The Journal of the Royal Institute of Philosophy. Oct., 1967. Vol. XLII, № 162. P. 301–325.
9. Jeannerod M. From self-recognition to self-consciousness // The Structure and Development of Self-Consciousness. Interdisciplinary perspectives / ed. by D. Zahavi, T. Grünbaum, J. Parnas. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. P. 65–87.

Stanislava A. Filipenok, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Email: Stanafil@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 21–28.

DOI: 10.17223/1998863X/61/3

TWO MODES OF SELF-CONSCIOUSNESS IN THE STRUCTURE OF CONSCIOUSNESS

Keywords: self-consciousness; narrative self; embodied self; tacit self-consciousness

It has been substantiated that there is not only explicit self-consciousness but there is also tacit, implicit self-consciousness in the structure of consciousness. The author has revealed that so called *from-to* model of individual consciousness and tacit knowing, proposed by the 20th-century philosopher of science M. Polanyi, is applicable to self-consciousness. According to this model, interaction of two kinds of awareness is at the very core of any cognitive act – focal and subsidiary awareness. In every act of tacit knowing we attend from subsidiaries to a focus whose object they give a rise. Within the framework of Polanyi's conception of personal knowledge, corporeality is of great importance, which constitutes the realm of tacit, subsidiary clues. If we extend the structure of individual consciousness to the processes of self-consciousness, then reflection may be considered as overt, explicit self-consciousness. In the process of reflection, the image of one's self, the most significant personal characteristics are in the focus of attention. Explicit self-consciousness is most fully embodied in a narrative, a life story. Narrativity constitutes a stable conceptual image of one's self, ensures the unity of the internal experience, gives a new meaning to the events in one's life. In its turn, tacit self-consciousness embraces subsidiary components of personal experience which determine a person's individuality. It underlies both self-cognition and cognition of the surrounding reality. The primary mode of implicit self-consciousness is the awareness of embodied self which manifests itself during motor activity. The embodied self proves to be an active and independent subject capable of performing purposeful actions voluntarily. Based on the analysis of the neural "central monitoring hypothesis of action recognition", it has been concluded that the image of the embodied self is brought into correlation with the subjective model of one's own action. The internal model of motor activity has been considered to be the basis of embodied, tacit self-consciousness. By means of the neurophysiological "simulation theory", it has been shown that images of our supposed movements constitute the realm of tacit, covert actions which are combined with overt actions. Covert actions affect the content of tacit knowledge, underlie implicit self-consciousness and seem to be essential conditions for the cognition and transformation of the surrounding reality.

References

1. Trufanova, E.O. (2018) *Sub"ekt i poznanie v mire sotsial'nykh konstruksiy* [The Subject and Cognition in the World of Social Constructions]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya".
2. Strawson, G. (2004) Against Narrativity. *Ratio (new series)*. XVII(4). pp. 428–452.
3. Hardcastle, V.G. (2008) *Constructing the Self*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
4. Morkina, J.S. (2018) Review of the book by Elena O. Trufanova "The subject and cognition in the world of social constructions" (Moscow: Kanon + ROOI "Rehabilitation", 2018. 320 pp.). *Filosofiya nauki i tekhniki – Philosophy of Science and Technology*. 23(2). pp. 122–130. (In Russian). DOI: 10.21146/2413-9084-2018-23-2-122-130
5. Chernikova, I.V. & Loginovskaya Yu.V. (2020) Consciousness in Cognitive Science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 53. pp. 32–42. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/53/4
6. Polanyi, M. (2005) *Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy*. London: Taylor & Francis e-Library.
7. Polanyi, M. (1985) *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoy filosofii* [Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy]. Translated from French by M.L. Gnedovsky et al. Moscow: Progress.
8. Polanyi, M. (1967) Sense-Giving and Sense-Reading. *Philosophy. The Journal of the Royal Institute of Philosophy*. XLII(162). pp. 301–325.
9. Jeannerod, M. (2004) From self-recognition to self-consciousness. In: Zahavi, D., Grünbaum, T. & Parnas, J. (eds) *The Structure and Development of Self-Consciousness. Interdisciplinary perspectives*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. pp. 65–87.